

Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX — начала XX в. М., 1979.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (Очерки по истории народных верований). М., 1957.

Чухина А. А. Родильный обряд Архангельского Севера: Содержание, структура и локальные особенности // Традиционная культура. 2007. № 3. С. 66–75.

А. И. Терюков

ПРЕДСКАЗАНИЕ БУДУЩЕГО В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ КОМИ

Будущее всегда интересовало человека. Всегда хотелось знать, что будет завтра, послезавтра, через несколько дней, лет. Но кроме общего интереса к будущему вообще два момента актуализировали интерес к этому знанию. Первый — стремление девушек к познанию своей судьбы, суженого, времени свадьбы. Второй — в пожилом возрасте попытаться узнать о времени завершения земной жизни. Народы коми не были исключением в этом общечеловеческом стремлении. У них еще в недалеком прошлом существовали приметы и обычаи, позволяющие заглянуть в будущее.

Несмотря на то что вопросы брака у коми чаще всего решались родителями молодых, у них были достаточно широко распространены как любовная магия, так и приметы, гадания, направленные на определение суженого и времени свадьбы (Шарапов 1997, с. 44–45).

Приведем одну из подобных примет: *Пёррөг улö кö ег чужёртан, то невестаяслөн жöникыс тома лоö* — Если у порога мусор со-

бирать, то жених для невесты молодой будет. В Покров, то есть на праздник Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября ст. ст.), девушки на выданье ставили свечи к иконе Богородицы и молились об удачном замужестве. В этот день из дома, где была девушка, рекомендовалось ничего не давать взаймы, запрещалось даже выносить мусор, чтобы не вынести счастье, не лишиться ее удачи. В этот день девушки всеми силами стремились привлечь внимание нравящихся им парней. Хорошим знаком считалось, если они брали от девушек предложенные им рукодельные подарки (кисет, платок и т. д.) (Конаков 1993, с. 104).

Еще недавно у коми были широко распространены святочные гадания, в ходе которых молодежь, в первую очередь девушки, пытались определить свою судьбу — выйдет ли она замуж в ближайшее время и кто будет ее суженым (Конаков 1993; Лимеров 1998). Они обычно устраивались на Рождество (*Рöштво* вв. нв. скр., *Рöшво* л. сс.), Васильев день (*Василей лун*), который совпал с Новым годом, и на Крещение. Святки коми называли *вежа дыр* вв. скр. сс., *вежа видзем* нв., *вежа видзан дыр* вым., *вежа пöра* иж. (от слова *вежа* — святой), *ен лун дыр* уд., *сьветьтö* вв. лл. сс. По способу исполнения их можно объединить в несколько типичных групп.

Гадание с прислушиванием, подслушиванием: *кыззысьны* л. нв. скр., *кыззисьны* уд., *кылзысьны* вв. лл. печ. сс., *кылзисьни* вв., *кызысьны* вым. иж., *кызисьни* вв. Обычно оно проводилось в ночь на Василия зимнего (*Василей лункöд воча*), но чаще всего продолжались от Рождества до Крещения. Это время коми называли *вежа вежалун* (дословно: святая неделя). В этот период можно было гадать каждый день, гадали на перекрестке трех дорог, рядом с углом дома, под замком двери избы, перед дверью амбара. Можно было это делать одному, втроем, впятером в течение одного часа — от 11 до 12 часов ночи, позже продолжать это ритуальное действие было опасно, так как бесы и черти могли утащить людей в прорубь или лес. Существовали различные варианты этого гадания. Например, в районе Усть-Сысольска их проводили со следующего после Рождества дня до Крещения. На Удоре гадали только перед перекрестком. Молодежь брала с собой коровью или лошадиную шкуру, устраивалась недалеко от

проезжей части, садилась на шкуру и очерчивала вокруг себя охотничьим копьём *шы* круг. Причем люди внутри круга брали друг друга за мизинец. На средней Вычегде гадал только один человек, который просто уходил подальше от жилья. Он также очерчивал вокруг себя круг и укрывался с головой пологом от комаров (*вён, вон*). Круг очерчивали ножом, предпочтение отдавали ножу, которым резали хлеб, или палкой с обожженным концом. В качестве покрывала могли использовать кусок холста, скатерть. На средней Печоре садились на овечью шкуру, а круг очерчивали кочергой. Круг выполнял функцию магической защиты, поэтому он должен был быть проведен тщательно, без обрыва, чтобы не оказаться проницаемым для нечистой силы. Иногда в точку начала и завершения круга втыкали нож. Оберегом в этот момент могла служить кошка, ее специальным образом готовили — завязывали на ней как можно большее количество узлов: нечистая сила не могла причинить вреда, пока не развяжет все узлы (Заварин 1870, с. 26). Определить смысл гадания можно было по шуму. Если едет телега, слышен стук копыт лошадей, скрип полозьев, звон колокольчиков — к свадьбе. Если слышали шаги, то старались заметить, у какого дома они пропадали, — в этом доме будет свадьба, считали, что идет жених. Свадьбу предвещало и пение, шум колокольчика — идет свадебный поезд и т. д. Как считают современные исследователи традиционной культуры коми В. А. Семенов, Н. Д. Конаков, П. Ф. Лимеров, перекрестье дорог обладает глубокой символикой. Здесь, сделав выбор, можно попасть в совершенно разные места, следовательно, и жизнь или судьба может иметь различные варианты. А в святочном гадании одновременно устанавливается «дорога» — информационная связь с потусторонним миром. На Удоре для этой цели собирались в нежилом доме. Присутствовавшие также держали друг друга за мизинец, а крайний у двери придерживал мизинцем дверной крюк, чтобы никто не открыл дверь (Uotila 1989, p. 334). Информант вспоминает, что напряжение в этот момент было так велико, что иногда пугались до потери сознания.

Гадание с зеркалом. Зеркало здесь становилось своеобразным окном в будущее путем связи с потусторонним миром. Для этого часто при гадании открывали печные заслонки в трубе, две-

ри в сени, в голбец, на улицу. Иногда вообще гадали в нежилых помещениях, как бы соприкасаясь с духами. Исследователями также зафиксировано несколько разных вариантов. Девушка спускалась в подполье (*голбец*) и смотрела в зеркало. Если просматривался мужчина — к свадьбе. На Ижме девушка спускалась туда с расплетенной косой, с зеркалом в одной руке и лучиной в другой и находилась там до тех пор, пока ей не привидится образ жениха (Микушев, Чисталев 1960, с. 18). Иначе происходило гадание на Удоре. Брели зеркало и устанавливали на столе, рядом ставили стакан воды, в который опускали иголку. Стакан наполовину прикрывали платком. Затем брали две нитки, которые скручивали справа налево и опускали в стакан. Если нитки останутся скрученными, то девушка скоро выйдет замуж, парень — женится. Если раскрутятся, то ничего не произойдет. По рассказам информанта Т. Утилы, совершенно иначе это происходило в районе Усть-Сысольска. Перед большим зеркалом ставили стол, который покрывали скатертью. На него ложился неженатый парень, под голову ему клали подушку, а рядом зажигали свечу. Причем парень должен был снять с себя верхнюю одежду и остаться в избе один. Его друзья по одному заходили в комнату и произносили: «*Прости, благослови*», называя его по имени. Лежащий на столе смотрел в зеркало и определял, что он видел. Если лицо красивое, то парень будет жить, возможно, женится. Если же лицо страшное — к беде (Uotila 1989, p. 200). На нижней Вычегде гадающая садилась на лестнице, ведущей в голбец (*гѳбѳч*), глядела в зеркало, а остальные сидели в комнате вокруг стола. Если в зеркало было видно, что какая-либо девушка *шмонитѳ*, то есть шутит, зубоскалит, то она выйдет замуж.

Гадание с едой. Рано утром в эти праздники после завершения стряпни девушка брала первую выпеченную *шаньгу*, протыкала в ней два отверстия, спускалась в подпол и смотрела, не видит ли мужчину. В некоторых местах рано утром на Васильев день девушка бегала со свежесыпеченной пресной лепешкой, сочнем (*сѳчѳнѳн*), по улице. Как только встречала первого мужчину, спрашивала его имя, так будут звать ее суженого. Иногда сочень девушка носила на голове.

Гадание с лошадью. В один из дней запрягали лошадь, завязывали ей глаза и погоняли вперед по улице. У какого дома остановится, туда и выйдет замуж девушка.

Гадание с колодцем или прорубью. У коми существовало два способа гадания. Первый — подходили к колодцу и прислушивались. Плач — к свадьбе, к причитаниям. Причем сруб колодца обвязывали веревкой (Сидоров 1928, с. 147). Второй — смотрели, кто первым придет за водой, если мужчина, парень, старик — к свадьбе. В гаданиях у проруби существовала та же система оберегов (круг, шкура, нож и т. д.), как и при гадании у перекрестков, они также были направлены на защиту гадающих от нечистых сил, в первую очередь от водяного. Например, коми-пермяки для большей безопасности вычерчивали на льду целых три круга, один в другом, садились в центре с иконкой и слушали: где-то строгают доски или вколачивают гвозди — жди смерти и т. д.

Гадание в хлеву. Утром девушки заходили в хлев (*шы*), хватили барана и выдергивали шерстинку. По цвету шерстинки определяли суженого — блондин, брюнет и т. д. На средней Печоре определяли по цвету попавшего в руки барана или овцы, каким будет жених — темным или светлым. Была и такая примета: если попадалась беременная овца, то в наступающем году гадающую ожидает беременность.

Существовали и другие способы гадания. Например, на средней Печоре жгли скомканную бумагу на сковороде в устье печи и смотрели на форму обгоревшей бумаги, угадывая образ будущего жениха: если тень походила на всадника — жених придет зимой на санях, если на пешего — летом. Там же гадали на спичках: зажигали ее, клали в устье печи и наблюдали, как будет ее «закручивать». Так как под каждой спичкой подразумевалось конкретное лицо, то по направлению «скручивания» определяли расположение или нерасположение этого лица. Также было принято загадывать по следу обуви. Для этого на взвозе вечером ссыпали золу, а утром смотрели, какой оставлен след — валенка или сапога. В первом случае означало, что свататься придут зимой, во втором — летом. Были и другие варианты: след от сапога — молодой жених, след от валенка — старый, вдовый, след от

меховой обуви — оленевод или охотник, от кожаной — служащий, просто валенок — бедный.

Суженого можно было увидеть во сне. Для этого необходимо было выполнить несколько правил: не молиться Богу перед сном, а, наоборот, обращаться к потусторонним силам с просьбой показать суженого. Девушка должна была перед сном съесть ложку или наперсток соли и муки, запивая их тем же количеством воды. После делали у изголовья из лучинок модель колодца с восковым ведерком и произносили заговор: «*Суженый-ряженный, приходи ко мне воду черпать, приноси мне пить*». В рукав рубахи завязывали черного таракана так, чтобы он мог передвигаться. Именно он должен был привести будущего жениха, показать его самого и его состояние. Были и другие способы для вызывания вещего сна. Для этого закрывали в коробочке пять тараканов, привязывали ее на ночь к большому пальцу правой ноги. Обливали у трех дверей скобы, каждый раз приговаривая трижды: «*Лью, полью, у суженого глаза залью, приходи целоваться*» (Заварин 1870, с. 26; Сидоров 1928, с. 157; Гагарин, Дукарт 1968, с. 55).

Второй цикл гаданий для девушек наступал на день Ивана Купалы (*Иван лун*). Здесь в качестве медиатора выступал веник, которым парились в этот день в бане. Коми считали, что он очищал тело и душу, но одновременно впитывал скверну из человека, а поэтому приобретал магическую силу. После выхода из бани его бросали в воду, реку и наблюдали, что с ним будет. Если уплывет вдаль — будет свадьба, радость, веселая жизнь. Если прибьет к берегу — замуж не выйдет, жизнь без перемен (Засодимский 1983, с. 119). В коми селениях по Печоре в этот день девушки на ржаном поле разбрасывали бумажки с написанными на них мужскими именами. Считалось, что имя суженого должно соответствовать имени на найденной бумажке (Дукарт 1975, с. 149).

У народов коми существовало (и существует в настоящее время) много примет, связанных со смертью или предсказывающих ее наступление. Некоторые из приведенных ниже примет были опубликованы А. С. Сидоровым, часть взята из его неопубликованной рукописи, все они приводятся им на русском языке (Сидоров 1928, с. 58–60; Сидоров 1927, с. 76). Остальные опубликова-

ны в работах других исследователей, а также взяты из личных полевых записей.

Если прикусишь губу — к смерти кого-либо из близких.

Бровь чешется — умрет кто-либо из близких.

В доме упадет хлебная лопата — умрет хозяйка.

Подошва чешется — будет смерть: правая подошва — в своем семействе, левая — в чужом. В Усть-Куломе (верхневьчегодские коми) считали наоборот: левая — к смерти родственников (*шуйга кок пидӧс лудӧ — кодкӧ рӧдвужсьыс кулӧ*). По представлениям коми, это связано с тем, что придется топтать могилу.

Если курица кричит петухом — к смерти в доме. Другой вариант: если вечером в неурочное время кричит петух — к смерти.

Матица трещит в доме — перед смертью хозяина.

Собака воет, опустив голову, — к смерти хозяина.

Собака ложится к порогу — предвидится смерть.

Если под деревней на реке осенью образовалась полынья, то в этой деревне зимой будет много умерших.

Если запрягаешь лошадь, а она убегает, то умрет кто-либо из товарищей.

Проплещина, оставшаяся на поле во время сева, связывается со смертью кого-либо из близких родственников хозяина поля, так как напоминает могилу. В с. Гагшор (сысольские коми) уточняли: если поле засеяно рожью — к смерти хозяина, если ячменем — хозяйки.

Кошка моет шею под матицей — к смерти хозяина.

Если покойник долго не коченеет — в доме будет новый умерший.

Умерший с открытыми глазами предвещает новую смерть.

Если гроб велик покойнику в ширину — умрет мужчина, в длину — женщина.

Если во время сна выпал хороший зуб — умрет взрослый работник, плохой зуб — старый человек, если с кровью — то умрет близкий человек.

На Удоре предсказанием смерти считалось внезапное появление в доме большого количества тараканов и клопов, а также если внезапно начинает чесаться нос — умрет кто-либо из ближайшей родни. На средней Сыsole (Визинга), наоборот, призна-

ком приближения смерти считался неожиданный исход из дома клопов.

У кольских (ижемских) коми Т. У. Утила в 1930 году в районе Петсамо (Печенга) записал еще несколько подобных примет.

Каньыс джоджас матича весътав валяйтчö — кот-кэ кулысь лоо. — Если кошка на полу под матицей валяется — то умерший будет.

Кыис турдыны вотйэ, еддьэ кулэ. — Если рука коченеет — то скоро (быстро) умрешь.

Шульга кок пыдö лудэ — кот-кэ рöдсим кулыав лол. — Левая подошва чешется — кто-либо из моего рода умрет.

Чельядыс ныма бөрöэ, кот-кэ кулысь лоо. — Если плачет одноименный ребенок, то кто-либо умрет.

Туналэ, кот-кэ кулысь лоо. — Если дом трещит, то покойник будет.

На нижней Вычегде считали: **Шульга кок пыдöс луде** — кулысь водзын. Левая подошва чешется — перед покойником. В других местах существовали другие приметы. **Кузь бöжлön керкаö пыралöм** — кулысь лоö сйö керкаысь. — Ящерица в дом забежит — покойник в этом доме будет. **Рытын пачын öгыр югыälö** — кулöм водзын. — Вечером в печи искра блестит — к смерти.

По мнению коми, смерть могли предсказать и сны. Так, если увидишь во сне, что ткань запуталась, — умрешь; другой вариант: если запутается основа ткани при ее закладке — к смерти. Венец на голове — к смерти; изба развалилась — человек умрет, чаще всего хозяин; строишь дом или лодку, пилишь дрова, паешь землю — к смерти. Подаешь милостыню нищенке — умрет кто-либо из семейства; если выдают замуж — к смерти. Потеряешь во сне обувь или одежду, поймалешь крупную рыбу — умрет кто-либо из родственников. Тонешь в воде, падаешь в колодец — к смерти. Увидишь во сне коров — к смерти родителей. Печка развалится — умрет хозяйка дома, дом разваливается — хозяин. Мышь пройдет по телу — к смерти. На колокольне большой колокол гудит — друг умрет без причастия. Встретишь людей в черном — кто-либо умрет. Предвестником смерти могли служить плотно, холст, любые действия с ними во сне. У коми-пермяков

если во сне таскаешь мешки с рожью, то наяву будешь иметь дело с покойником (таскать, носить покойника, гроб). Если запрягаешь лошадь, а она убегает, то умрет кто-либо из товарищей. Выпадают зубы с кровью — умрет близкий человек.

В качестве предвестника большого несчастья и, в частности, смерти у коми рассматривался ворон — *кырныш*. Плохую весть он приносит карканьем, сердитым криком. Чтобы отвести от себя плохое, в данном случае следует произнести следующий предохранительный заговор:

Сир пинь горшад
Коми екыш ситанад
Кузь ен пурт ситанад
Бурсö кө вьсталан
Тупкиль, тупкиль.

Зуб щуки в горло,
Зырянский окунь в задницу,
Длинный крепкий нож в задницу,
Если же добрую весть сказываешь,
Тупкиль, тупкиль.

Если мы внимательно присмотримся к этим объяснениям сновидений, то увидим, что некоторые из них связаны с настоящими реалиями погребального обряда: венец погребальный, раздача милостыни нищим в день похорон, строительство дома, ибо и дом, изба и гроб обозначаются у коми одним термином — *горт*. Полотно, холст были обязательными атрибутами погребального ритуала коми. А как связаны остальные из них со смертью, объяснить невозможно.

В литературе описаны и другие приметы и поверья. Так, Н. Заварин пишет, что в одном из приходов Усть-Сысольского уезда в канун праздника иконы Казанской Божьей матери (22 октября ст. ст.) все жители от мала до велика каждый со своим венником отправляются в одну баню и там парятся, приговаривая: «*Святая рябина, святая купальница и святой папоротник*». По выходу из бани все венники развешиваются на огороде, и по ним замечают: если чей-то венник не изменит своего цвета, то парившийся им проживет целый год. Если венник почернеет — это признак несчастья, а если упадет — верный признак смерти (Заварин 1870, с. 175).

О подобном, но только летнем гадании-примете у сысольских и прилузских коми упоминает В. Н. Белицер. В день летнего

солнцестояния, в канун Иванова дня (24 июня ст. ст.), точнее в ночь на Ивана Купала (23 июня ст. ст.), топили баню, мылись, парились березовыми вениками с добавлением в них веток рябины и травы «купальницы». После мытья молодежь уносила веники к реке и бросала в воду. Если веник тонул, по поверью, этому человеку грозила смерть в ближайшем году (Белицер 1958, с. 325). По сведениям Н. И. Дукарт, подобные гадания были широко распространены у коми. Для этого обязательно брали новый, связанный из только что срезанных березовых веток веник с добавлением веток рябины и цветов (Дукарт 1975, с. 149). Из более ранних авторов об этом упоминает П. В. Кокшаров (Кокшаров 1859, с. 434). К. А. Попов сообщает, что коми-зыряне считали, что если веник утонул, то его схватил *куль*, то есть водяной, а это предвещает смерть (Попов 1874, с. 60). А. В. Круглов называет этот веник ивановским (Круглов 1887, с. 55–57). Об этом упоминает и А. А. Попов. Н. Д. Конаков приводит другой вариант гадания — после выхода из бани веник с размаху бросали через плечо. Если он упал в сторону реки — к смерти (Конаков 1993, с. 73). Согласно примете, приведенной Т. Уотила, на средней Сыsole считали, что человек, у которого утонул веник, сам утонет: *Пылсьём бсрын кодыр корысьтö шыбытан вай, если сийö вöйö то ачюд кодыркö вонас вöйан* (Uotila 1989, p. 80). Подобный обычай существовал и у северных коми-пермяков. Но они использовали для этой цели веник без веток рябины и не бросали в реку, а перекидывали через баню и смотрели, как упадет веник. Если он упал комлем к человеку, то он будет жить, если вершиной, листьями — его ожидала смерть. Коми считали, что ивановский веник очищал тело от всякой скверны, приобретенной в течение года, но одновременно от этого становился нечистым. Именно поэтому он мог предсказать судьбу.

Кроме того, у многих групп коми-зырян существовали святочные гадания, которые назывались *кылзысьём*, *кывзысьём* и предсказывали смерть. Так, в с. Большелуг (вычегодские коми) существовал такой обычай. Перед Рождеством ночью молодежь выходила на перекресток трех дорог. Несколько человек закрывались с головой холстом, которым хозяйка обычно покрывала свежеспеченный хлеб, и прислушивались. Если слышали какой-

либо стук, определяли, откуда он исходит. Считалось, что в той стороне кто-то в ближайшее время умрет, ибо стук воспринимался как изготовление гроба. Это также предвещали звуки топора или троекратный стук: для умершего делают гроб или заколачивают крышку гроба. Это было в обычае также в с. Визинге (средняя Сысола). Для этого надо было выйти за село в 11 часов вечера, подалее за околицу, нарисовать вокруг себя черту и накрыться с головой пологом от комаров (*вон, вөн*). Здесь гадали в одиночку в течение часа, до полуночи (Uotila 1989, p. 60). Подобное гадание было записано в 1916–1917 годах венгерским лингвистом Д. Фокош-Фуксом от жителя с. Мыелдин (Мылдин, современный Троицко-Печорск, верхнепечорские коми). Там оно называлось *кылзисни* — прислушиваться. Гадающие тоже выходили на перекресток трех дорог, рисовали вокруг себя круг, брали друг друга за безымянный палец, после чего накрывались с головой чем-либо и прислушивались. С той стороны, где кто-либо умрет, был слышен шум, стук, что ассоциировалось с изготовлением гроба (Fokosh-Fuchs 1951, p. 349–350). Л. С. Грибова пишет, что в прошлом подобное гадание устраивали сидя на невыделанной шкуре, проводя вокруг нее символический круг кочергой (Грибова 1980, с. 120). В Усть-Сысольске подобное гадание называли *кывзысьём*, его устраивали на Василия зимнего, иногда на второй день Рождества. Во время гадания длинным ножом очерчивали круг, кроме того, брали замок (*томан*), который клали на амбарную дверь, снятую с петель, и прислушивались (Fokosh-Fuchs 1951, p. 450–451). Иногда гадали прислушиваясь, сидя на овчине у проруби в ночь на Крещение: где слышно, будто строгали доски или вколачивали гвозди, — там жди смерти.

Аналогичное действие устраивали в прошлом на Василия зимнего на Удоре. Причем такие гадания, по мнению удорских коми, определяли судьбу человека на весь следующий год. Гадать (прислушиваться) шли обычно 7, 9, 11 человек. Для этой цели выбирали нежилой дом, куда гадающие пробирались скрытно. В избе все усаживались на пол, схватив друг друга за мизинец. Причем последний своим свободным мизинцем придерживал крюк дверей, чтобы кто-нибудь не вошел в это время. Кто-либо вопрошал,

что же случится в следующем году, и все затихали. По словам информанта, напряжение в тот момент достигало такой высоты, что любая упавшая вещь или нечаянно приоткрытая ветром дверь вызвала испуг, иногда нервный срыв, истерики и болезни. О предстоящей смерти извещал шум сбрасываемых досок (Uotila 1989, p. 332). Другой разновидностью такого действия было прислушивание у перекрестка. Причем смерть могла означать не столько результат гадания, сколько несоблюдение правил их исполнения. Например, при прочерчивании круга не должно остаться просвета, он должен быть цельным. Иначе бес, черт (*чукля*) в этот просвет утащит одного из участников этого обрядового действия на лед реки, что предвещает близкую смерть этого человека.

В литературе есть сведения и о других святочных гаданиях с подобными функциями. Они также были записаны от жителей г. Усть-Сысольска (в настоящее время — г. Сыктывкар). Например, гадание с расплавленной медью: брали чашку с водой, капали в нее медь — если образовывался крест, то к смерти. Или же гадание с *кынтӧм паньӧн* (дословно: с замороженной ложкой). После ужина в немытую ложку наливали воду и выносили на улицу. Утром смотрели: если вода замерзла ямкой — это к смерти хозяина, а холмиком — к болезни (Fokosh-Fuchs 1951, p. 450–451).

Предсказание смерти у коми является одной из главных функций души (*орт*). *Орт* — это душа человека, олицетворяет его полное подобие, по меткому выражению К. Ф. Жакова, «его тень». Орт появляется у человека с момента рождения, он невидим и в то же время неотделим от него (более подробно см.: Терюков 1976; Рочев 1984; Тегуиков 1989; 1996; Лимеров 1998). В течение всей жизни Орт невидимо сопровождает человека вплоть до его смертного часа и дает знак о приближении смерти близких или его самого. Видимый *орт* — это предвестник смерти. Для этого он или показывается родственникам или знакомым, или же совершает какое-либо действие, которое расценивается как знак приближения момента кончины кого-либо. Чаще всего таким образом расценивается некий шум, стук: беспричинно падающие вещи, чаще всего посуды, звуки колки дров, качающейся колыбели, стук палки в стену дома, лесной избушки и т. д. Например, *Чарла либӧ мукӧдтор джаджысь шыбытӧм — кулысь лӧӧ*.

(Орт ветлӧ). — *Серп или что-либо с полки упадет — умерший будет (Орт бродит)*. По данным П. Ф. Лимерова, *орт* нередко показывает, как умрет человек. Если человек должен застрелиться, то он показывается стреляющим, повеситься — вешающимся и т. д. (Лимеров 1998, с. 10–11). У коми-ижемцев аналогом, инверсией *Орта* является *Урӧс, Урес*, который также предсказывает смерть. Здесь в его понимании новым является то, что эта душа может воплощаться в птицу или животное. Поэтому неожиданное появление их в населенном пункте расценивается как посещение *Уресом* своего живого двойника (Рочев 1985, с. 59). В быличках чаще всего упоминается *тар* — тетерев, *байдӧг* — куропатка, *варыш* — ястреб, *кырныш* — ворон, *ур* — белка, *кӧч* — заяц. Кроме того, на Ижме неожиданную пропажу нужной вещи также объясняли проделками Уреса, причем он «возвращается» в реальный мир.

По-видимому, к этому циклу примыкает поверье, существовавшее в Прилузье, где предвестником смерти считали появление на теле необъяснимого синяка (в Прилузье представлений об *Орте* не зафиксировано). Его называли там *шой чэполь* — дословно: синяк смерти (Жилина 1985, с. 275). На самом деле понятие о синяке в подобном смысле распространено намного шире и зафиксировано у других групп коми (Рочев 1984, с. 146).

Пермяки верили, что смерть предвещает домовый (*суседка*), если в доме раздается какой-то непонятный стук, шум, это *суседко* строит гроб.

Библиография

Гагарин Ю. В., Дукарт Н. И. Научный отчет об этнографической экспедиции 1967 года в Троицко-Печорский район Коми АССР // Научный архив КНЦ УрО РАН. 1968. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159.

Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980.

Дукарт Н. И. Весенне-летние праздники и обряды в северной деревне конца XIX — начала XX века // Вопросы истории Коми АССР / Тр. ИЯЛИ. 1975. Вып. 16. С. 141–152.

Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.

Заварин Н. О суевериях и предрассудках, существующих в Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. 1870. № 4. С. 144–149; № 5. С. 166–176.

Засодимский П. В. Лесное царство // В дебрях Севера: Русские писатели XVIII–XIX вв. о земле Коми. Сыктывкар, 1983.

Кокшаров П. В. Из неизданных заметок о Зырянском крае // Вологодские губернские ведомости. 1859. № 51.

Конаков Н. Д. От Святков до Сочельника. Коми традиционные календарные обряды. Сыктывкар, 1993.

Круглов А. В. Лесные люди. СПб., 1887.

Лимеров П. Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар, 1998.

Микушев А. К., Чисталев П. И. Ижемский фольклор: материалы экспедиции 1960 года. Ч. 1 // Научный архив КНЦ УрО РАН. 1960. Ф. 1. Оп. 11. Д. 203.

Мифология коми. М., 1999.

Попов К. А. Зыряне и зырянский край // ИОЛЕАЭ. Т. XIII. Вып. 2 / Тр. Этнографического отдела. Кн. 3. Вып. 2. М., 1874.

Рочев Ю. Г. Коми легенды и предания. Сыктывкар, 1984.

Рочев Ю. Г. Традиционные представления об орте и их трансформация в современности // Традиционное и современное в культуре сельского населения Коми АССР / Тр. ИЯЛИ. Сыктывкар, 1985. Вып. 37. С. 57–70.

Сидоров А. С. Погребальные обряды и обычаи у коми. Рукопись. 1927. 83 л. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 135. Оп. 2. № 252.

Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народов коми. (Материалы по психологии колдовства). Л., 1928.

Семенов В. А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера. СПб., 1992.

Терюков А. И. Представления коми-зырян о душе // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М., 1976. С. 174–182.

Шаранов В. Э. Некоторые секреты привораживания (О символике и психологии традиционной любовной магии у коми) // Вестник культуры Республики Коми. 1997. № 2. С. 44–54.

Fokoch-Fuchs D. R. Syrjanisches Wörterbuch. Budapest, 1951. В. 1–2.

Teryukov A. Notions about Souls in the Komi mythology // Uralic mythology and folklore. (Ethnologiaica Uralica. 1). Budapest; Helsinki, 1989. P. 135–138.

Teryukov A. Materials on Komi-Zyryan mythology: Notions of the soul // Shamanism and Northern Ecology. Editor Juha Pentikainen. Berlin; N. Y., 1996. P. 143–150.

Syrjanische Texte / Gesammelt von T. E. Uotila, übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen // MSFU. V. 202. B. 3: Komi-Syrjanisch. Helsinki, 1989.